

Оригинальная статья / Original article

УДК 81'38

**«Юный гений» (Ответ восемнадцатилетнему юноше)» Г. Гессе:
творческое кредо в эпистолярном жанре****Т. В. Летапурс¹ ✉, Т. М. Малыхина²**

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040 Российская Федерация

²Курский государственный университет
ул. Радищева д. 33, г. Курск 305001, Российская Федерация

✉ e-mail: lietaurs@mail.ru

Резюме

В статье исследуется одно из писем Г. Гессе и выявляется своеобразие представлений писателя о личности и судьбе художника. Прозаическое наследие данного автора изучено достаточно подробно, в меньшей мере внимание ученых было приковано к его эпистолярному наследию. Цель исследования – проанализировать выбор художником жизненного пути, изучить проблему творчества и особой одаренности человека, ведущей к самопожертвованию, в понимании Г. Гессе. В связи с этим авторами проведен комплексный анализ письма «Юный гений» (Ответ восемнадцатилетнему юноше)». В работе применены методы наблюдения, контекстуального и компаративного анализа, систематизации материала.

Письма Г. Гессе вводились в контекст литературоведческих и лингвистических исследований как документы исторического и автобиографического комментирования, фактического подтверждения, соотношения философских постулатов в художественных произведениях с исповедальными размышлениями в письмах к родным, друзьям, иным другим адресатам. Вместе с тем эпистолярный жанр, столь востребованный в XX в. до наступления «электронных» времен, имеет самоценность. Он открывает внутренний мир художника, позволяет услышать именно его голос, объективные проявления его личности: выражение разнообразных идей, эмоций, состояний, вкусов, откровенных оценок своих и чужих поступков. Кроме того, письма великих художников показывают речевой этикет определенной эпохи, содержат этические принципы, эстетические предпочтения, воспоминания, отражают языковые изменения, связанные с возрастом, и многое другое.

Особое внимание исследователями было уделено системе нравственных и художественных ценностей писателя, особенностям его стиля в эпистолярном жанре. Впервые предпринята попытка компаративного анализа писем Г. Гессе и Л.Н. Толстого, обращенных к начинающим авторам, и выявлены точки соприкосновения в их представлениях о творчестве, этических принципах художника. Авторы видят особенность манеры изложения размышлений писателей в форме исповеди-проповеди.

Ключевые слова: эпистолярный жанр; понятие таланта, гениальности; мораль гения; жизненный и творческий выбор; принципы художника; жанрово-стилевые особенности эпистолярного наследия.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Летапурс Т. В., Малыхина Т. М. «Юный гений» (Ответ восемнадцатилетнему юноше)» Г. Гессе: творческое кредо в эпистолярном жанре // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 4. С. 35-49.

Статья поступила в редакцию 28.09.2022 Статья подписана в печать 14.11.2022

Статья опубликована 21.12.2022

“A Young Genius” (Reply to an Eighteen-Year-Old Youth)”. H. Hesse: Creative Credo in the Epistolary Genre

Tatyana V. Letapurs¹, Tatyana M. Malykhina² ✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

²Kursk State university
Radisheva str. 33, Kursk 305001, Russian Federation

✉ e-mail: lietaurs@mail.ru

Abstract

The article investigates one of Herman Hesse's letters and reveals the peculiarity of writer's views about the personality and destiny of the artist. The prose heritage of this author has been studied in a rather detailed way, but the attention of scientists has been devoted to his epistolary heritage to a lesser extent. The purpose of the study is to analyze the choice of the artist's way of life, to study the problem of creativity and the special giftedness of man, which leads to self-sacrifice, as understood by of H. Hesse. In this regard the authors conducted a comprehensive analysis of the letter “Young Genius” (Response to an eighteen-year-old boy)”. The methods of observation, contextual and comparative analysis and systematization of material are used in the work.

Herman Hesse's letters were introduced into the context of literary and linguistic studies as documents of historical and autobiographical commentary, actual confirmation, correlation of philosophical postulates in works of fiction with confessional reflections in the letters to relatives, friends and other recipients. At the same time the epistolary genre, being so much in demand in the 20th century before the advent of “electronic” times, has its own value. It reveals the inner world of the artist, allows to hear his own voice, objective manifestations of his personality: expression of various ideas, emotions, states, tastes, frank assessments of his own and others' actions. Moreover, the letters of great artists show the speech etiquette of a particular era, contain ethical principles, aesthetic preferences, recollections, reflect linguistic changes associated with age, and much more.

The researchers paid special attention to the system of moral and artistic values of the writer, the peculiarities of his style in the epistolary genre. For the first time an attempt has been made to make a comparative analysis of the letters by H. Hesse and Leo Tolstoy, addressed to novice authors. Also points of contact in their views on creativity, ethical principles of the artist are revealed. The authors see the peculiarity of the manner of the writers' reflections presentation in the form of a confession-sermon.

Keywords: *epistolary genre; notion of talent, genius; morality of genius; life and creative choice; principles of the artist; genre and stylistic features of epistolary heritage.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Letapurs T. V., Malykhina T. M. “A Young Genius” (Reply to an Eighteen-Year-Old Youth)”. H. Hesse: Creative Credo in the Epistolary Genre. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2022, 12(4): 35–49 (In Russ.).

Received 28.09.2022

Accepted 14.11.2022

Published 21.12.2022

Плиний Тациту привет.

Ты сам себе не рукоплещешь, и я ни о ком не пишу более искренне, чем о тебе. Будет ли потомкам какое-нибудь дело до нас, я не знаю, но мы, конечно, заслуживаем, чтобы было, не за наши таланты (это ведь слишком гордо), но за рвение, труд и уважение к потомству. Будем только продолжать начатый путь, который, правда, немногих привел к блеску и славе, но многих вывел из мрака и молчания. Будь здоров.

Книга 9. Письмо 14 [1]

Введение

Письмо как классический жанр переживает не лучшие времена, все чаще становится культурно-историческим артефактом. Тем не менее ученые и читатели все еще погружаются в чужие письма прошлого: как частные, созданные в бытовой жизни, так и литературные, имеющие творческую основу.

Научные литературоведческие исследования советского периода Розановой С.А. [2], Седельника В.Д. [3] и постсоветского Целлера Б. [4], Паперно И.Б. [5], Николаевой Е.В. [6], Щербининой А.А. [6, 7], посвященные эпистолярному жанру, затрагивают разные его аспекты, формируют определенные базовые знания. Однако материал, не введенный в научную сферу, столь обширен, что потребуются усилия множества ученых, чтобы дать полную картину эпистолярного наследия как отдельных авторов, так и литературных эпох.

В.Д. Седельник, написавший предисловие к книге «Письма по кругу» Г. Гессе, точно сформулировал причины нашей потребности в обращении к переписке великих: «Обычно письма собирают и издают наследники после смерти их автора. Гессе же при жизни сделал их одним из самых действенных и оперативных жанров. Он снимал со своих писем копии, собирал их, группировал, издавал в виде книг и подборок. Количество тех, с кем он беседовал как бы с глазу на глаз,

возрастало, таким образом, в десятки тысяч раз. Без сомнения, это был способ воздействовать на читателя и на действительность, в том числе и на политическую. Голос, обращенный к одиночкам, достигал широкого читателя, о чем говорят многократные переиздания и немалые тиражи писем» [2, с. 8].

В середине XX века, через пять лет после войны, когда люди мира разбирали кирпичи и думали, что построят на сожженной земле, выдающийся немецкий писатель излагал свои ответы на вопросы о жизни и творчестве молодому человеку восемнадцати лет, отрочество которого совпало со страшными европейскими событиями. Было ли дело до художественной литературы тем, кто остался жить после глобальной военной катастрофы? Многие абсолютно были далеки от философии и эстетики, но Г. Гессе с надеждой и определенной радостью ответил соотечественнику, выразив свое видение жизненного пути художника и значимости искусства. Его письмо во многих отношениях показательно: содержит его творческое кредо, принципы отношения к литературному труду, в определенном смысле является художественным завещанием.

Цель данного исследования – комплексный анализ письма «Юный гений» (Ответ восемнадцатилетнему юноше) Г. Гессе и осмысление особенностей представления писателя о творчестве, о выборе художником жизненного пути, об одаренности человека, ведущей к само-

пожертвованию. Данный анализ позволил подчеркнуть своеобразие эпистолярного жанра

Г. Гессе, особенности его стиля. Сопоставление писем Г. Гессе и Л.Н. Толстого, обращенных к начинающим авторам, выявило точки соприкосновения в философских, эстетических и этических принципах художников. Для достижения поставленной задачи использовались различные методы: описательный и компаративный, а также контекстуальный анализ.

Результаты и обсуждение

«Магия книги», включающая письмо «Юный гений» [8, 9], дает возможность познакомиться со многими письмами автора и понять, какие проблемы, о которых он размышляет, по сей день остались актуальными и значимыми.

Судьба гения – вечная тема искусства, поскольку связана с такими важнейшими представлениями о человеке, как

- жизненное назначение, следование призванию;
- преодоление терний мира, гордыни, одиночества, непонимания и непризнания;
- искушение славой, деньгами, властью;
- этический выбор; поиск истины, ответственность за созданное творение;
- испытание любовью, разочарованием.

Вступление в юность и осознание себя избранным, «белой вороной», не таким, как все, – мучительно. Гессе это понимает и делится собственным опытом человека, вставшего на путь избранника, платящего дорогую монету за славу, возможность говорить свое слово, проповедовать и все время учиться.

«Путь одиноких и избранных роком людей всегда был тяжел и опасен, Ваш путь будет точно таким же. Недоверие к «опыту» других и отказ отчитываться перед другими в Вашем возрасте – естественное оружие, которым человек с осо-

бо развитой индивидуальностью защищается от окружающего мира, стремящегося всех подмять под себя, навязать свои нормы и вынудить к преждевременному соглашательству. Так гибнут многие молодые Вашей породы, кто-то потому, что жизнь в напряжении и самообороне становится невыносимой, и в нетерпении он преступает границы, кто-то в результате сдается, становится обывателем и жалкие остатки божественного огня с помощью алкоголя или без него претворяет в обывательский романтизм, увенчанный короной непризнанности. Я знал немало таких» [10, с. 158]. Говоря о выборе, писатель предупреждает о нескольких опасностях, с которыми непременно сталкивается художник. Если он «не такой», то он неизбежно вступает в конфликт с окружающей средой. Этот конфликт может быть открытым, то есть борьбой, но может быть и мучительным внутренним противостоянием, когда приходится чувствовать тягость обывательской среды, не помышляющей о высоких идеалах и довольствующейся земными радостями и сытостью. Кстати сказать, этот конфликт гения и среды в начале века был характерным для европейского искусства, в частности для довоенного и послевоенного творчества самого Г. Гессе. Обозначенная писателем, кроме всего прочего, утрата «божественного огня», действительно, являлась едва ли не самой острой в жизни художника.

Почему же Гессе не отговаривал юного автора от такого сложного пути, где есть соглашательство, где жизнь в напряжении и самообороне невыносима, где можно потерпеть неудачу и крах, преступить мораль, стать обывателем, пьяницей, «непризнанным гением»? По той причине, что творчество, в представлении писателя, – высшая ценность и гармония духа, дарованная человеку его природой и обществом, окружающим миром. «Но есть и другие пути, и более благородные, и встречаются на этих путях награда и помощь особого рода. Есть

путь творца, художника, писателя, мыслителя. Однако творчество мыслителя или художника предполагает акт самоприращения и самоотречения и, узаконивая гения перед миром, требует от него определенной отдачи, борьбы и нелегких жертв, – того, о чем во времена безответственности гений и понятия не имел. За это даруется гению – независимо от того пользуется или нет творчество его успехом, – прикосновенность к царству духа, единокровность с тысячами предшественников и творческих современников, восприимчивость к нерушимым и вечно живым – через все времена и культуры – мудрости и красоте» [10, с. 158-159].

Подчеркнем, что, противопоставляя терниям пути художника путь определенной творческой благодати, Гессе выстраивает триаду, которая имеет близость к религиозной триаде схимника, божьего избранника и служителя: «благородная цель – «акт самоприращения и самоотречения» – «прикосновенность к царству духа», «восприимчивость к нерушимым и вечно живым мудрости и красоте».

Как и большинство немецких авторов, Гессе хорошо знал отечественную литературу и воззрения на искусство И. В. Гейне [11]. В предисловии к 10-ому тому собрания сочинений великого писателя, вышедшему в советский период, в котором собраны работы об искусстве и литературе, А. Аникст отметил, что Гейне не стремился создать эстетическую теорию для всех, что формулировал художественные принципы, отвечавшие его собственным стремлениям и творческим поискам [11, с. 446]. Раздел «О театре и литературе» данного тома завершает небольшая по объему статья «Доброжелательный ответ» (1832 г.). Она представляет определенный интерес как в жанровом отношении, так и с точки зрения размышлений автора о творчестве молодых немецких поэтов. Поскольку Гете получал множество посланий со стихами и просьбами адресантов дать им оценку, он решил создать «письмо для всех». В

начале «Доброжелательного ответа» он и пояснил, почему пишет и что думает о творческой немецкой молодежи. Его обращение к юношеству содержит очень важную мысль: мало вступить в литературу с удачным дебютом, когда «кое-что» бывает выражено и глубоко, и ясно, и уверенно, и даже изящно. Важно не уйти от «юношеского довольства» на тропу «мизантропических отшельников». По мнению Гете, художника будут сопровождать «прекрасные богини» и музы только тогда, когда в «деятельной и бодрящей, но подчас и безрадостной жизни» он сохранит «смущающуюся невинность», все мечты юности, будет готов на самоотречение во имя прекрасных идеалов, которые, в конечном счете, вернут душевное равновесие. Гете прекрасной развернутой метафорой внушает молодым авторам, что вершины искусства покоряются оптимистам, тем, кто готов к смирению страданий, кто «хлопочет о том, чтобы рассеять вокруг себя печаль и поддерживать веселье» [11, с. 420]. Таким образом, наследуя великому соотечественнику, Герман Гессе показывает, что на трудном пути художника нет места унынию и окончательному разочарованию, а есть труд, мужество и стремление к красоте, к познанию мира, человека, истин бытия.

О.Б. Золотухина в автореферате диссертации на соискание степени кандидата филологических наук «Эволюция психологизма Германа Гессе», осмысливая истоки мировосприятия художника, отметила важнейшую особенность, которая заключается в том, что писатель – человек становления, его мировоззрение постоянно меняется, естественно, и герои его находятся в поиске истины, осмысления себя как значимой «единицы» мира. «Главная цель Гессе – изображение-выражение «пути души» – остается неизменной, а психологизм эволюционирует от аналитического к синтетическому типу изображения внутренней жизни человека во всей ее сложности, противоречивости и

драматизме» [12, с. 17]. По мнению Г. Гессе, цельность личности, и в частности героя, – не данность или результат, а процесс совершенствования. Именно эта позиция и определяет смысл наставлений молодого корреспондента: чрезвычайно сложно жить в постоянном напряжении поиска, размышлений, переходя от заблуждений к истине, но другого пути не существует.

Композицию письма Г. Гессе отличает стройность, изложение мыслей – последовательность и логичность. Следующее его размышление – ответ на вопрос: «А что же нужно человеку, вставшему на путь творца, если он готов преодолевать препятствия на пути великого благородного служения искусству и людям?» На «замечательном, заслуживающем самоотдачи пути» надо отринуть сомнения и неуверенность, потому что «любовь к истинному и прекрасному, жажда быть принятым в их владения и заполучить частичку их света» стоит жертв, одиночества, а осознание благородного жребия всегда будет путеводной звездой.

Более всего художнику необходим талант. Понимание категории таланта Гессе пронизано его личным опытом. Он не признает «талант вообще», поэтому в качестве убедительного примера приводит тех художников, которые обладают заразительными и прекрасными идеями, но не имеют «голоса», единственного слова, которое дойдет до сердца и разума, врожденной страсти к живописной игре, не имеют силы и темперамента выражения. Гессе в отличие от социологического и коммунистического представления о культуре, прямо заявляет, что «идеалы в искусстве немногого стоят». Но это не отказ от идейности, а понимание, что ценность таланта и созданного творения не в идеалах, а в единстве формы и содержания, в том, как идеи выражены. К тому же Гессе чрезвычайно дорога индивидуальность, как, например, в случае с Сезанном, у которого есть «неповтори-

мый дар, чисто своя, сезанновская, дерзость писать, беспримерная терпеливость и одержимость».

После мысли о таланте художника Гессе вновь возвращается к размышлениям о гениальности человека. И хотя сначала могло показаться, что именно художник-гений – высший избранник человечества, Гессе показывает, что это не так. Гениальная природа человека не всегда может реализоваться в искусстве, она может быть принесена на пользу человечеству в других деяниях. Как тут не вспомнить спор Раскольникова и Порфирия Петровича в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», когда следователь, прекрасно понявший гордыню Родиона Романовича, сказал ему лаконичную фразу: «Станьте солнцем, вас все и увидят. Солнцу прежде всего надо быть солнцем» [13, с. 352].

По мнению Ф.М. Достоевского, есть только одна возможность возвыситься – употребить свои таланты для благодатной жизни других. Гессе сравнивает гения-художника, мыслителя и гения служения в пользу последнего, потому что талант делает его свободным в истинном смысле слова, он не раб. «Ибо в творцах, не одаренных особо ни для каких искусств и наук, достижение максимума человеческого оправдывает все страдания, все тщеславие и все заблуждения сверходаренных и гениальных. Не исключено, что однажды, столкнувшись с обнаженной действительностью, они будут разбужены чьим-то взглядом и зовом, имя которому их собственное Я, и увидят лик бытия, его прекрасное и устрашающее величие, его преисполненность болью, страданием, безответной любовью, безысходной тоской. И на взгляд этой бездны ответят они единственной жертвой – полновесной, необратимой жертвой собственного Я. Они принесут себя на алтарь голодным, больным и порочным – неважно кому, они позволяют себя притянуть, всосать, поглотить любому зиянию, любой наготы, любому страданию. Они-

то и есть подлинно любящие и святые. К ним тянется все человеческое, жаждущее большего, чем способна дать повседневность и норма, их жертва наполняет смыслом и ценностью все прочие, менее существенные жертвы, они оправдывают и искупают проблемы изгоев, сверходаренных, трудно живущих и зачастую отчаявшихся. Ибо гений – это сила любви и тоска по служению, и искупает себя он лишь в сем абсолютном и высшем самозаклании» [10, с. 160]. Данный текст еще раз подтверждает, что Гессе мыслит судьбу гения в религиозном контексте и выражается в русле религиозной риторики. Письмо содержит архаистические возвышенные обороты, инверсии, повторы, яркие эпитеты, контрастную эмотивную лексику; весь поток размышлений имеет музыкальный ритм, ведущий к кульминации – аккорду последнего утверждения.

При этом возникает вопрос читателя: а возможно ли соединение двух начал гениальности в одном человеке? Гессе ответа не дает. По всей видимости, ему важно донести до юного друга не возможность итога судьбы, а мотивацию человека, стоящего в начале жизненной дороги и делающего выбор направления движения.

Г. Гессе был одним из тех писателей, кого можно отнести к художникам «мировой отзывчивости». Его всегда интересовала русская литература, и о природе его отношения к ней написаны многие исследования. В контексте нашей проблематики следует вспомнить, что он говорит в рассматриваемой книге о Л.Н. Толстом. Из авторов богатой русской литературы, которую хотелось бы поставить в личную библиотеку, писатель назвал Пушкина («но он, увы, не переводим!»), Гоголя, Тургенева, Гончарова, Толстого, Достоевского. По поводу Л.Н. Толстого Гессе замечает: его «великое искусство порою несколько затмевается проблематикой его проповедей и реформаторскими устремлениями, нам по меньшей мере

следует взять романы «Война и мир» (по-видимому, лучший русский роман) и «Анна Каренина», не забыв, однако, и его народных рассказов» [14, с. 106].

В другом произведении писатель раскрывает более подробно свое понимание воззрений Толстого и с высоты опыта XX века так показывает суть его мыслей:

– во-первых, в дневниках излагаются «пылающие, страстные мятежные попытки» наглядно преобразовать абстрактное познание, дать мудрую истину;

– во-вторых, эти попытки сменяются «печальным смирением», когда при невозможности понять мир идет утверждение действия во имя любви, «восстающей из праха»;

– в-третьих, «итог всей мудрости – любовь, смысл жизни – любовь» [14].

Отталкиваясь от положений таких ученых, как А.В. Михайлов [15], осмысляющий художественный мир Германа Гессе, О.Б. Золотухина [12], проследившая эволюцию психологизма писателя, Н.В. Рожкова [16], в центре внимания которой были мировоззренческие и философские поиски Германа Гессе, а также исследователей творчества Л.Н. Толстого Н.Н. Гусева [17], рассматривающего особенности жизненного и творческого пути писателя, В.Ф. Асмуса [18], сформулировавшего сущность мировоззрения и эстетики Толстого, Г.Я. Галаган [19], посвятившей свой труд художественно-этическим исканиям писателя, Р. Роллана, увидевшего главную особенность личности Толстого в свободе мышления [20], мы сделали попытку сопоставления философских, этических и эстетических взглядов Г. Гессе и Л. Толстого, для которых осмысление целей творчества и его сущностного наполнения продолжалось на протяжении всей жизни и воплощалось в разных жанрах.

Здесь уместно будет сделать одно отступление и вспомнить биографию Л.Н. Толстого. Весной 1861 года, в апреле, писатель провел полторы недели в Веймаре, где он интересовался народным

образованием, постановкой школьного дела в Германии. В «Дневнике» Толстой отмечал, что посещал городские народные школы, детские сады, где реализовалась система Фрёбеля, беседовал с местными немецкими педагогами. Среди рукописей Толстого сохранился небольшой отрывок, написанный им в форме письма к неизвестному лицу. Заканчивая свою деловую поездку в Европу, писатель решил подвести некоторые итоги, изложить их в форме письма, адресованного, скорее всего, человеку, занимающемуся народным образованием или заинтересованному в оном. Мы позволили себе для наглядности переформатировать текст, чтобы можно было увидеть не только особенности содержания, но и запоминающуюся форму его изложения: «Только мы русские варвары не знаемъ, колеблемся и ищемъ разрешенія вопросовъ о будущности человека и лучшихъ путяхъ образованія, въ Европе же это вопросы решенные; и что замечательнее всего, разрешенные на 1000 различныхъ ладовъ. Въ Европе знаютъ не только законы будущаго развитія человечества, знаютъ пути, по которымъ оно пойдетъ, знаютъ, въ чемъ можетъ осуществиться счастье отдельной личности и целыхъ народовъ, знаютъ, въ чемъ должно состоять высшее гармоническое развитіе человека и какъ оно достигается.

Знаютъ, какая наука и какое искусство более или менее полезны для известнаго субъекта. Мало того, какъ сложное вещество разложили душу человека на – память, умъ, чувства и т.д., и знаютъ, сколько какого упражненія для какой части нужно.

Знаютъ, какая поэзія лучше всехъ.

Мало того, верить и знаютъ, какая вера самая лучшая.

– Все у нихъ предусмотрено, на развитіе человеческой природы во все стороны поставлены готовые, неизменные формы [21, с.150]. И это совсемъ не шутка, не парадоксъ, не иронія, а фактъ, въ которомъ нельзя не убедиться человеку

свободному, съ целью поученія наблюдающему школы одну за другою, какъ я это делалъ, хоть бы въ одной Германіи, хоть бы въ одномъ городе Франкфурте на М [айне]» [21, с.150]. Кроме этого все-таки иронического (если даже не саркастического) осуждения закоснелого и снобистского педагогического всезнайства у Толстого есть вполне конкретные претензии к воспитанию личности в немецкой образовательной системе. Его наблюдения, естественно, обращены прежде всего к результатам обучения: возможно, что именно они рассеют сомнения, что столь устойчивая схоластика противоречит «живой жизни». Чуда, однако, не происходит.

Л.Н. Толстой с горечью констатирует, что двести мальчиков на его глазах делают одно и то же: «Мальчикъ не только не можетъ выразить въ школе того, что ему понятно или непонятно, пріятно или не пріятно то или другое, но онъ не можетъ выразить словомъ то, что онъ знаетъ или не знаетъ то или другое, или что ему [21, с.154] хочется. Все разнообразіе его мысли во время класса подведено къ выраженіямъ «могу» – «хочу», которыя онъ передаетъ подыятіемъ руки. (...) Все, что вы видите, это скучающія лица детей, насильно вогнанныхъ въ училище, нетерпеливо ожидающихъ звонка и вместе съ темъ со страхомъ ожидающихъ вопроса учителя, делаемаго для того, чтобы противъ воли принуждать детей слѣдить за преподаваніемъ» [21, с. 156].

Механистическая рациональная система, в которой нет свободы и творчества, не просто удручает Л.Н. Толстого, он отдает себе отчет в ее губительных последствиях для развития молодого поколения немецкой нации. В силу вышеизложенного более очевидными становятся причины радости и Гессе, и Толстого, когда полученные письма молодых европейцев подтвердили, что есть те, кто ищет, кто мыслит, кто остро чувствует, есть те, в ком не убита потребность в морали.

В 1887 г. ученик Высшей нормальной школы в Париже – Ромен Ролан – написал письмо великому Толстому. Его интересовало искусство и было неясно, почему русский писатель ставит превыше ручной труд, а кроме того, он просил, как и более поздний адресант Гессе, разъяснить, что есть истина, благо, самопожертвование. Юный Роллан признавался, что не может примириться с «незнанием нравственной сущности вещей», что для него «это значит – не жить» [22].

Л.Н. Толстой, излагая свои мысли о сущности творчества, поставил вопрос о том, как преодолеть существующее противоречие между ручным трудом (низким в глазах элиты) и тягой к творчеству (высоким): «Вы спрашиваете: почему ручной труд является одним из существенных условий истинного счастья? Нужно ли добровольно лишать себя умственной деятельности, занятий науками и искусствами, которые кажутся вам несовместимыми с ручным трудом?». По мнению писателя, ручной труд напрямую связан с нравственной позицией человека. Презрение к оному, перекладывание его на плечи «нанятого» раба несовместимы со званием христианина и гуманного человека: «Я никогда не поверю искренности христианских, философских и гуманитарных убеждений человека, который заставляет служанку выносить его ночной горшок. Самое простое и самое короткое нравственное правило состоит в том, чтобы как можно меньше заставлять других служить себе и как можно больше самому служить другим. Требовать от других как можно меньше и давать другим как можно больше» [23, с. 144]. Последнее утверждение может восприниматься как афоризм. И в этом Гессе – продолжатель Толстого и его единомышленник. Суть проблемы, рассматриваемой писателями, ведет к особенностям личности человека вообще, художника в частности. Самовоспитание и самопожертвование, по Л.Н. Толстому, помимо разрешения противоречия между якобы

низким и высоким, дают «существованию разумный смысл», а вытекающее из нравственного правила «счастье разрешает также и все затруднения», в том числе и проблему доли труда, науки и творчества в жизни человека.

Только на первый взгляд может показаться удивительным совпадение в оценке судьбы гения Толстого и Гессе. Оно таковым не будет, если вспомнить, что религиозные воззрения определяли и миропонимание, и поведение этих писателей.

Достигают вершин те, кто осознает значимость своего духовного труда. Но это редкость. И такие люди избранные – пророки. Избранность не ведет к исключительному месту под солнцем и не гарантирует особые блага: «Призвание пророка есть высокое и благородное призвание. Но мы знаем, что представляют собой священники, считающие себя пророками единственно потому, что это им выгодно и что они имеют возможность выдавать себя за таковых. Не тот пророк, который получает воспитание пророка, а тот, кто имеет внутреннее убеждение в том, что он есть пророк, должен им быть и не может не быть им. Такое убеждение редко и может быть доказано только теми жертвами, которые человек приносит своему призванию. То же самое относится к истинной науке и к истинному искусству» [23, с. 145].

Именно высокое осознанное призвание делает человека художником, от которого в таком случае всегда будет требоваться «жертва своим спокойствием и своим благосостоянием». Поистине как замечательное послание потомкам звучит мысль писателя: «Тот же, который освобождает себя от общей всем людям нравственной обязанности и, под предлогом своей склонности к наукам и искусствам, устраивает себе жизнь паразита, – тот никогда не произведет ничего, кроме ложной науки и ложного искусства» [23, с. 146]. Как видим, Г. Гессе продолжает развивать тему таланта, избранности и,

вопреки модной идее сверхчеловека, солидарен с русским писателем в том, что гениальность в творчестве художника, писателя, ученого – это прежде всего ответственность, «самозаклание».

Л.Н. Толстой, будучи яростным противником искусства для искусства, размышляет о том, что есть благо художественного творчества и науки. Основные нравственные категории самым тесным образом связаны с категориями эстетическими: «Всё, что объединяет людей, есть добро и красота; всё, что разъединяет их, есть зло и безобразие. Всем известна эта формула. Она начертана в нашем сердце. Добро и красота для человечества есть то, что соединяет людей. Итак, если бы сторонники наук и искусств действительно имели в виду благо человечества, они знали бы, в чем состоит благо человека, и, зная это, они занимались бы только теми науками и теми искусствами, которые ведут к этой цели» (...). Между тем, из всех наук, которые человек может и должен знать, главнейшая есть наука о том, как жить, делая как можно меньше зла и как можно больше добра; и из всех искусств главнейшее есть искусство уметь избегать зла и творить добро с наименьшей, по возможности, затратой усилий» [23, с. 147-148]. К сожалению, по мнению писателя, современное ему искусство и наука не отвечают его главным критериям.

Поскольку перед нами письмо, то, конечно, следует обратить внимание не только на систему воззрений Германа Гессе, изложенных по проблеме, поставленной адресантом, но и на то, как проявляется его личность, его отношение к молодому человеку. Оно в высшей степени уважительное, поучительное, но не менторское, кроме того, это письмо равному: «Пожилой человек, к которому Вы, всем различиям вопреки, обратились как к другу, на Вашу исповедь ответил своей, попытавшись продемонстрировать, как выглядят наши общие с

Вами проблемы на каждом из наших уровней жизни» [10, с. 160].

Форма вежливого объяснения, почему ответ на письмо не был сделан сразу, – в некотором смысле образец этикета, но в то же время – образец искренности в высшей степени честного человека. Именно это позволяет увидеть индивидуальное лицо Гессе, его состояние: «Ведь, помимо письменных принадлежностей, мой аппарат состоит всего лишь из глаз, перенапряженных многолетней работой – редко бывает, что они не болят, – да двух рук, вздутых подагрой и пишущих или печатающих каждую букву крайне неловко и неохотно. Глаза бы охотнее занимались цветами, кошками или чтением какой-нибудь книги, чем поступающей ко мне корреспонденцией, да и руки нашли бы себе применение куда поприятней. Кроме того, ответ на Ваше письмо затруднен был и тем, что заниматься исправлением Ваших огрехов в дальнейшем я уже не надеюсь, ибо, по-видимому, это письмо первое и последнее, которое я в состоянии написать. Мне, правда, и впредь будет радостно узнавать что-либо о Вас, но я не могу ни предложить Вам продолжать присылать Ваши рукописи, ни пообещать, что Ваши дальнейшие письма, в случае, если Вы захотите продолжать мне писать, я буду читать с проникновением и в полную меру своего понимания» [10, с. 158].

Доброжелательность, «извинительность» тона, заинтересованность, надежда на понимание и суровая честность в описании судьбы гения, соединение строго рационального, философского и эмоционально-доверительного делают это письмо документом времени, образцом эпистолярного жанра, соединяющего личное и общее.

Если вновь сравнить письма великих авторов, то и Л.Н. Толстой, и Г. Гессе относятся к молодым людям с предельной искренностью и вниманием.

Лев Николаевич воспринимает письмо исключительно эмоционально: «Доро-

гой брат! Я получил ваше первое письмо. Оно тронуло мое сердце. Я читал его со слезами на глазах» [23, с. 143]. Заметим, это послание не от родного и близкого человека, а от незнакомца. Почему же обращение «брат» и «слезы на глазах»? Французский юноша в своих духовных поисках оказался столь родственной душой писателю, что, по всей видимости, напомнило ему собственные мучительные искания истины и подвигло стать учителем пытливому уму. Р. Ролан с этого момента проникся величайшим уважением к Толстому, пронес неизбывный интерес к его миропониманию через всю жизнь и написал о нем три книги.

Письмо Г. Гессе, являющегося лауреатом Нобелевской премии, может порадовать поклонников тем, что оно выявляет скромность писателя, качество, в котором нет ничего напускного, ни позы, ни игры. «Вы чувствуете во мне похожего на Вас человека, то есть не достигшего величия и абсолюта ни в искусстве, ни в жизни и не ощущающего себя дома в недостижимом для Вас потустороннем, а, как и Вы, погруженного в тот же мир и те же проблемы...» [10, с. 158].

В тексте есть пассаж, который вызывает восхищение, так как в полной мере демонстрирует художественное мастерство Гессе. Он построен по принципу повторения, «развертывания» мысли, анафоры, усиления и параллели сравнений и вполне годится для цитирования, так как афористичен:

«Вы позволили мне заглянуть в беспокойство, красоту и сомнения Вашей расцветающей жизни, а я, сам некогда испытывавший беспокойство, красоту и сомнения, попытался поведать Вам то, как видятся проблемы и явления эти пожившему человеку.

Будь я святым, то ответ бы мой был лаконичен.

Будь я великим художником, то поток откровенностей, исторгаемых Вашим письмом, мне лишь помешал бы в работе.

Будь я великим живописцем, то Ваше послание я бы даже не дочитал, а продолжил работу, подобно одряхлевшему Ренуару, привязав кисть к руке, сведенной подагрой» [10, с. 160].

Гессе все-таки ответил. Думается, не потому, что посчитал себя вне художников-небожителей Олимпа, а потому, что в его этический кодекс входил принцип служения людям, ответственности за свой художественный труд, ему было свойственно обыкновенное желание порядочного человека поддержать и наставить на путь истинный того, кто в этом нуждался.

Выводы

Г. Гессе считает, что творчество истинно одаренного человека всегда связано с постоянным выбором и преодолением, состоянием поиска, интеллектуального и нравственного напряжения и свершается только на пути самопожертвования.

Социальная роль творца требует от него открытости: в современном мире невозможно находиться в слоновой башне, удаляясь в эмпирические кущи, забывая о насущных нуждах и страданиях большинства людей.

Г. Гессе утверждает, что осознание личной гениальности должно быть связано с пониманием личной ответственности и жертвенности. Для науки и особенно творчества необходимы эти качества. По мнению писателя, люди избранные – пророки, так как им свойственно твердое убеждение в том, что они есть пророки, должны ими быть и другого не дано. Такое особенное положение и роль могут быть доказаны только жертвами во имя призвания. «Самозаклание» не понимается как выбор жизни-страдания, а как осознанный отказ от суетности и праздности, в которой нет цели и стремления к благодеянию для других людей, а кроме того, высшие идеи требуют выбора в пользу активной позиции и отрешения от материальных излишеств. Весь жизненный путь художника, исполненный взлетов и

падений, мучений, заблуждений, компромиссов и кризисов, искупается посвящением в царство духа, единокровной близостью с творцами прошлого и настоящего, великими мыслителями, причастностью к мудрости и красоте, вечно сияющим через все времена и пространства.

Можно было бы сказать, что этический контраст «добро – зло» и эстетический – «прекрасное, возвышенное – безобразное, низменное» формируют «ядро» постулатов Гессе об искусстве и выборе художника, но как, в сущности, отрицание в его суждениях идет рука об руку с утверждением, так и языковое воплощение представляет соединение лексического «плюса» и «минуса», отражающих единое целое бытия. Стремление художника к познанию красоты и водружению ее на пьедестал не отрицает многообразия мира. Призывая молодого творца к правильному выбору пути «через тернии к звездам», Гессе убедительно доказывает, что творчество не гарантирует постоянного вдохновения, душевной гармонии и удовольствия от его плодов. Несовершенство мира было и останется, но Гессе, как и Гете, верит, что свет духовной радости, исходящей от художника, способен дать и ему самому, и читателям ориентир в том лучшем, что создала природа, общество, культура и литература.

Сопоставление писем Г. Гессе и Л.Н. Толстого, обращенных к начинающим авторам, выявляет следующие общие позиции:

- основой этических принципов художника является признание первенства морали и в жизни, и в творчестве;

- нравственные категории самым тесным образом связаны с категориями эстетическими: художник, считающий, что свободен от «нравственной обязанности», производит только «ложную науку и ложное искусство»;

- талант – это ответственность и щедрость;

- судьба гения мыслится в религиозном контексте, в служении добру, красоте и любви к людям;

- служение людям выше таланта художника;

- искусство не должно разъединять людей.

Письма Толстого и Гессе – письма умудренных жизнью людей, поэтому возраст и особенности характера – открытость, любознательность, интеллектуальная щедрость – делают письма исповедальными, наставническими и представляют своеобразную проповедь. Личность авторов проявляется в выражении доброжелательности, «извинительности» тона, заинтересованности, искренности, надежды на понимание, проявлении таких эмоций, как радость, сочувствие, восхищение, ирония, горечь и т.д.

В стиле писем Г. Гессе и Л. Толстого используются разнообразные риторические приемы, употребляются все законы греческой хрии, где примеры и аргументы важны в доказательстве выдвигаемых постулатов; где выводы акцентированы и афористичны. В описании судьбы гения дается соединение рационального, рефлектирующего и эмоционально-доверительного начал. Религиозная риторика, характеризующаяся архаичными возвышенными оборотами, инверсиями, повторами, музыкальным ритмом, также присутствует, особенно когда авторы делают окончательные выводы о нравственных ценностях и смысле бытия человека, духовном совершенствовании, смирении перед испытаниями и утверждении служения страждущим.

Обращение к письмам великих писателей представляется весьма продуктивным, так как они содержат мысли, выстраданные на долгом пути духовных поисков, обобщают опыт времени и остаются тем ориентиром, от которого не следует отказываться современным молодым литераторам, публицистам, всем художникам.

Список литературы

1. Письма Плиния Младшего. 2-е изд., перераб. М.: Наука, 1982. 405 с.
2. Розанова С.А. Эпистолярное наследие Льва Толстого // Л.Н. Толстой. Собрание сочинений: в 22 т. Т. 20. М.: Худож. лит., 1984. С. 766–786.
3. Седельник В.Д. Я верю в законы человеческого рода... // Письма по кругу / Г. Гессе; пер. с нем.; сост., авт. предисл. и коммент. В.Д. Седельник. М.: Прогресс, 1987. 400 с.
4. Целлер Б. Герман Гессе сам свидетельствующий о себе и о своей жизни / пер. с нем Е. Нечепорука. Челябинск: Урал LTD, 1998. 321 с.
5. Паперно И. Б. «Кто, что я?»: Толстой в своих дневниках, письмах, воспоминаниях, трактатах. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 232 с.
6. Николаева Е.В., Щербинина А.А. Жанровые формы эпистолярных диалогов Л.Н. Толстого с литераторами 1850 – 1870-х годов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 12. С. 21–27.
7. Щербинина А.А. Эпистолярный Л.Н. Толстого: истоки и становление жанровых форм. М., 2020. URL: <http://mpgu.su/wp-content/uploads/2020/07> – <http://mpgu.su/dissertations/jepistoljarij-l-n-tolstogo-istoki-i-stanovlenie-zhanrovyh-form/>
8. Гессе Г. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Прогресс – Литера, 1995. Т. 6.
9. Гессе Г. Библиотека всемирной литературы // Магия книги: Эссе, очерки, фельетоны, рассказы и письма о чтении, книгах, писательском труде, библиофильстве, книгоиздании и книготорговле: сборник / пер. с нем., предисловие, послесловие и комментарии А. Науменко. М.: Книга, 1990. Серия «Полка библиофила». 238 с.
10. Гессе Г. Юный гений // Магия книги: Эссе, очерки, фельетоны, рассказы и письма о чтении, книгах, писательском труде, библиофильстве, книгоиздании и книготорговле: сборник / пер. с нем., предисловие, послесловие и комментарии А. Науменко. М.: Книга, 1990. Серия «Полка библиофила». 238 с.
11. Гейне И. В. Собрание сочинений в 10-ти томах. Т. 10. Об искусстве и литературе / пер. с нем. под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта; коммент. А. Аникста. М.: Худож. лит., 1980. 510 с.
12. Золотухина О.Б. Эволюция психологизма Германа Гессе: дис. ... канд. филол. наук. Гродно, ГрГУ, 2005. 22 с.
13. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Полн. собр. соч.: в 30-ти т. Л.: Наука, 1973. Т. 6. 423 с.
14. Гессе Г. Дневник // Магия книги: Эссе, очерки, фельетоны, рассказы и письма о чтении, книгах, писательском труде, библиофильстве, книгоиздании и книготорговле: сборник / пер. с нем., предисловие, послесловие и комментарии А. Науменко. М.: Книга, 1990. Серия «Полка библиофила». 238 с.
15. Михайлов А.В. Мир Германа Гессе // Литературное обозрение. 1986. № 5. С. 56–64.
16. Рожкова Н.В. Мировоззренческие странствия Герма Гессе: путь писателя в поисках истинного бытия. СПб.: Алеф-Пресс, 2014. 150 с.
17. Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1870 по 1881 год / АН СССР, ИМЛИ им. А. М. Горького. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 695 с.
18. Асмус В.Ф. Мировоззрение и эстетика Л.Н. Толстого // Вопросы теории и истории эстетики. М.: Искусство, 1968. С. 434–531.
19. Галаган Г.Я. Л.Н. Толстой. Художественно-этические искания. Л.: Наука, 1981. 176 с.

20. Роллан Р. Толстой – свободный мыслитель – («Tolstoï, l'esprit libre») «Les tablettes», 1917.

21. Толстой Л.Н. Письмо к неизвестному о немецких школах. URL: <http://tolstoj.ru/1998.html> <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/chernoviki/pismo-k-neizvestnomu-o-nemeckih-shkolah>. Отрывок хранится в АТБ (*Панка XVIII*). Часть отрывка была уже опубликована Н. Н. Гусевым в его книге: «Толстой в молодости», Труды Толстовского Музея. М. 1927, с. 380.

22. Роллан Р. Письмо к Л.Н. Толстому от 16 апреля н. с. 1887 г. Письмо опубликовано в отрывках по-русски в «Литературном наследстве», 31-32, М., 1937. С. 1007-1008.

23. Толстой Л.Н. Ромену Роллану (перевод с французского) от 3-4 октября. Ясная Поляна, 1887 год // Собрание сочинений: В 22-х т. Т. 19-20. Письма. 1882–1910. / сост. и коммент. О.А. Голиненко, З.Н. Ивановой, С.А. Розановой, Б.М. Шумовой. М.: Худож. лит., 1984. С. 143–151.

References

1. *Pis'ma Pliniya Mladshogo* [The Letters of Plinius Junior]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 405 p.

2. Rozanova S.A. [Rozanova S.A. Epistolary heritage of Leo Tolstoy]. *L.N. Tolstoj. Sobranie sochinenij* [Tolstoy. Collected Works]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1984, Vol. 20. pp. 766–786 (In Russ.).

3. Sedel'nik V.D. [I Believe in the Laws of the Human Race...]. *Pis'ma po krugu* [Letters in Circle]. Moscow, Progress Publ., 1987. 400 p. (In Russ.).

4. Celler B. *German Gesse sam svidetel'stvuyushchij o sebe i o svoej zhizni* [Hermann Hesse testifying about himself and his life]; ed. by E. Necheporuka. Chelyabinsk, Ural LTD Publ., 1998. 321 p.

5. Paperno I. B. *"Kto, chto ya?": Tolstoj v svoih dnevnikah, pis'mah, vospominaniyah, traktatah* [Paperno I. B. "Who, what am I? Tolstoy in his diaries, letters, memoirs, treatises]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 232 p.

6. Nikolaeva E.V., Shcherbinina A.A. Zhanrovye formy epistol'yarnykh dialogov L.N. Tolstogo s literatorami 1850 – 1870-h godov [Genre forms of epistolary dialogues of L.N. Tolstoy with literary persons of 1850–1870s]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*, 2019, vol. 12, is 12, pp. 21–27.

7. Shcherbinina A.A. *Epistol'yarij L.N. Tolstogo: istoki i stanovlenie zhanrovyykh form* [Tolstoy's Epistolary: Origins and Formation of Genre Forms]. Moscow, 2020. Available at: <http://mpgu.ru/wp-content/uploads/2020/07> <http://mpgu.ru/dissertations/jepistoljarij-l-n-tolstogo-istoki-i-standovlenie-zhanrovyykh-form/>

8. Gesse G. *Sobranie sochinenij* [Herman Hesse Collected Works]. Moscow, Progress – Litera Publ., 1995.

9. Gesse G. [Library of world literature]. *Magiya knigi: Esse, ocherki, fel'etony, rasskazy i pis'ma o chtenii, knigah, pisatel'skom trude, bibliofil'stve, knigoizdanii i knigotorgovle. Sbornik*. [The magic of the book: Essays, sketches, feuilletons, stories and letters about reading, books, writer's work, bibliophilia, book publishing and bookselling. Collection]. Moscow, Kniga Publ., 1990. 238 p.

10. Gesse G. [Young genius]. *Magiya knigi: Esse, ocherki, fel'etony, rasskazy i pis'ma o chtenii, knigah, pisatel'skom trude, bibliofil'stve, knigoizdanii i knigotorgovle. Sbornik* [The magic of the book: Essays, sketches, feuilletons, stories and letters on reading, books, writer's work, bibliophilia, book publishing and bookselling]. Moscow, Kniga Publ., 1990. 238 p. (In Russ.).

11. Gejne I. V. *Sobranie sochinenij v 10-ti tomah. T. 10. Ob iskusstve i literature* [Collected Works in 10 volumes. Vol. 10 About Art and Literature]; ed. by A. Anikst and N. Vil'mont. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura, Publ., 1980. 510 p.
12. Zolotuhina O.B. *Evoljucija psihologizma Germana Gesse*. Diss. kand. filol. nauk [The Evolution of Herman Hesse's Psychologism. Cand. philol. sci. diss.]. Grodno, Grodno State University, Publ., 2005. 22 p.
13. Dostoevskij F.M. *Crime and Punishment. Poln. sobr. soch.* [Complete Works in 30 vols.]. Leningrad: Nauka Publ., 1973. Vol. 6. 423 p. (In Russ.).
14. Gesse G. [Diary]. *Magiya knigi: Esse, ocherki, fel'etony, rasskazy i pis'ma o chtenii, knigah, pisatel'skom trude, bibliofil'stve, knigoizdanii i knigotorgovle. Sbornik* [The magic of the book: Essays, sketches, feuilletons, stories and letters about reading, books, writer's work, bibliophilia, book publishing and bookselling. Collection]. Moscow, Kniga Publ., 1990. 238 p. (In Russ.).
15. Mihajlov A.V. *Mir Germana Gesse* [The world of Herman Hesse]. *Literaturnoe obozrenie* = *Literary review*, 1986, no. 5, pp. 56–64.
16. Rozhkova N.V. *Mirovozzrencheskie stranstviya Germa Gesse: put' pisatelya v poiskah istinnogo bytiya* [Worldview wanderings of Herm Hesse: the way of the writer in search of the true being]. St. Petersburg, Alef-Press Publ., 2014. 150 p.
17. Gusev N.N. *Lev Nikolaevich Tolstoj: Materialy k biografii s 1870 po 1881 god* [Leo Nikolayevich Tolstoy. Materials for the biography from 1870 to 1881]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1963. 695 p.
18. Asmus V.F. [Tolstoy's Philosophies and Aesthetics]. *Voprosy teorii i istorii estetiki* [Questions of theory and history of aesthetics]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1968. pp. 434–531 (In Russ.).
19. Galagan G. Ya. *LN. Tolstoj. Hudozhestvenno-eticheskie iskaniya* [Leo Tolstoy. Art and Ethical Quest]. Leningrad, Nauka Publ., 1981. 176 p.
20. Rollan R. *Tolstoj – svobodnyj myslitel'* – ("Tolstoï, l'esprit libre") "Les tablettes", [Tolstoy - A free thinker - ("Tolstoï, l'esprit libre") "Les tablettes"], 1917.
21. Tolstoj L.N. [Letter to the unknown about German schools]. Available at: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/chernoviki/pismo-k-neizvestnomu-o-nemeckih-shkolah>.
22. Rollan P. *Pis'mo k L.N. Tolstomu ot 16 aprelya n. s. 1887 g.* [Tolstoy dated by April 16, 1887] *Literaturnoe nasledstvo*, 31-32. [Literary Heritage]. Moscow, 1937, pp. 1007-1008.
23. Tolstoj L.N. *Romenu Rollanu (perevod s francuzskogo) ot 3-4 oktyabrya. Yasnaya Polyana, 1887 god. Sobranie sochinenij* [Romain Rolland (translated from French) from October 3-4. Yasnaya Polyana, 1887. Collected works]. Vol. 19-20. *Pis'ma. 1882–1910*. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1984, pp. 143–151.

Информация об авторах / Information about the Authors

Летапурс Татьяна Васильевна, кандидат филологических наук, доцент, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: lietaurs@mail.ru

Tatiana V. Letapurs, Cand. of Sci. (Phylological), Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: lietaurs@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-5879-1779

Малыхина Татьяна Моисеевна, кандидат филологических наук, доцент, Курский государственный университет, г. Курск, Российская Федерация
e-mail: etnolingv@mail.ru

Tatiana M. Malykhina, Cand. of Sci. (Phylological), Kursk State University, Kursk, Russia Federation,
e-mail: etnolingv@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2802-5686